

«ЗОЛОТОЙ ВЕК» ОДНОДВОРЦЕВ: ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В УСАДЕБНОЙ СРЕДЕ ЮГА ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА

К.Б. Кудланов

*Курская академия государственной и муниципальной службы,
ул. Станционная, д. 9, Курск, 305044,
Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина,
ул. Коммунаров, д. 28, Елец, 399770*

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу уровня благосостояния и социальной дифференциации однодворцев юга Центрального Черноземья (далее – ЦЧ) по данным описей имущества сер. XVIII века. Цель исследования заключается в выявлении структуры расслоения среди потомков мелких служилых людей и определении их причин. **Материалы и методы.** Источниковую базу составили материалы фонда Р30 Государственного архива Курской области (далее – ГАКО), а также фондов 1055 и 1059 Российского государственного архива древних актов (далее – РГАДА). Методология исследования основана на сочетании макро- и микроисторического, сравнительно-исторического и статистического методов. Для количественной оценки имущественного положения использованы критерии И.Д. Ковальченко и Л.В. Милова, а также теоретические построения А.В. Чаянова о демографической дифференциации крестьянских хозяйств. Изучаемая проблематика имеет обширную историографическую традицию, что позволяет сопоставить полученные результаты с выводами предшественников. **Результаты.** На основе анализа 91 однодворческого хозяйства Курского края разработана пятиуровневая имущественная классификация потомков мелких служилых людей по числу рабочих лошадей: бедные (0–1 лошадь) – 11,1%; середняки (2–3) – 18,9%; зажиточные (4–5) – 44,4%; богатые (6–8) – 14,4%; сверхбогатая элита (9 и более) – 11,1%. Среднее число лошадей на двор составило 6,4, что более чем вдвое превышает порог хозяйственной устойчивости, установленный Л.В. Миловым. Выявлена прямая корреляция между количеством изб, наличием светлиц и поголовьем скота. Установлена специализация хозяйств (конезаводческая, свиноводческая, овцеводческая, молочно-мясная), что свидетельствует о высоком уровне товарности. **Заключение.** Исследование подтверждает, что середина XVIII в. для однодворцев юга ЦЧ являлась «золотым веком» – временем их наивысшего экономического расцвета и благосостояния. Доминирование зажиточных хозяйств (70% с 4 и более лошадьми) при небольшой доле бедных (11,1%) свидетельствует не об острой поляризации, а о массовой зажиточности. Имущественная дифференциация имела преимущественно естественный, демографически обусловленный характер (в интерпретации А.В. Чаянова), а не являлась следствием классовой эксплуатации. В исследуемый период капиталистические отношения наслаивались на феодальные институты, а массовая зажиточность определялась комплексом социально-экономических, демографических и духовно-политических факторов, что исключало острую поляризацию сословия.

Ключевые слова: однодворцы, потомки мелких служилых людей, скотообеспеченность, имущественная дифференциация, социальная стратификация, Курский край, Центральное Черноземье.

Для цитирования: Кудланов К.Б. (2026). «Золотой век» однодворцев: экономический потенциал и социальная стратификация в усадебной среде юга Центрального Черноземья в середине XVIII века // История: факты и символы. 2026. № 3 (48). С. 135-151 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-135-151

Финансирование: Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 25-28-01973) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», <https://ias.rscf.ru/user/doc/a.w.p.2025.118.main/24191771>

Конфликт интересов: К.Б. Кудланов – научный сотрудник учредителя журнала ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина», что не повлияло на решение опубликовать эту статью. Автор и редакция заявляют об отсутствии конфликта интересов

Статья поступила: 08.02.2026

Статья принята в печать: 12.05.2026

Статья опубликована: 10.09.2026

© Кудланов К., 2026.

THE "GOLDEN AGE" OF THE SINGLE-COURT PEOPLE: ECONOMIC POTENTIAL AND SOCIAL STRATIFICATION IN THE MANOR ENVIRONMENT IN THE SOUTH OF CENTRAL CHERNOZEM REGION IN THE MID-18TH CENTURY

K.B. Kudlanov

*Kursk Academy of State and Municipal Service,
st. Stationnaya, 9, Kursk, 305044,
Bunin Yelets State University,
28 Kommunarov St., Yelets, 399770*

Abstract

Introduction. The article analyzes the level of welfare and social differentiation of the single-court people (smallholders, descendants of military service people) in the south of the Central Chernozem Region (hereinafter – CCR) based on property inventories of the mid-18th century. The aim of the study is to identify the structure of property stratification among the descendants of minor military service people and to determine its causes. **Materials and Methods.** The source base comprised materials from fond R30 of the State Archive of the Kursk Region (hereinafter – GAKO), as well as fonds 1055 and 1059 of the Russian State Archive of Ancient Acts (hereinafter – RGADA). The research methodology is based on a combination of macro- and micro-historical, comparative-historical and statistical methods. For the quantitative assessment of property status, the criteria of I.D. Kovalchenko and L.V. Milov were used, as well as the theoretical constructs of A.V. Chayanov on the demographic differentiation of peasant farms. The problem under study has an extensive historiographical tradition, which makes it possible to compare the obtained results with the conclusions of predecessors. **Results.** Based on the analysis of 91 single-court households in the Kursk region, a five-level property classification of single-court people by the number of work horses has been developed: poor (0–1 horse) – 11.1%; middle (2–3) – 18.9%; prosperous (4–5) – 44.4%; wealthy (6–8) – 14.4%; super-wealthy elite (9 and more) – 11.1%. The average number of horses per household was 6.4, which is more than twice the threshold of economic sustainability established by L.V. Milov. A direct correlation has been identified between the number of izbas, the presence of upper rooms (svetlitsy), and livestock numbers. Specialization of farms has been established (horse-breeding, pig-breeding, sheep-breeding, dairy-meat), indicating a high level of marketability. **Conclusion.** The research confirms that the mid-18th

century was a "golden age" for the single-court people of the south of the Central Chernozem Region – a time of their highest economic prosperity and welfare. The dominance of prosperous farms (70% with 4 or more horses) with a small proportion of the poor (11.1%) indicates not an acute polarization, but rather mass prosperity. Property differentiation was predominantly natural and demographically determined (in the interpretation of A.V. Chayanov), rather than a consequence of class exploitation. During the period under study, capitalist relations were layered upon feudal institutions, and mass prosperity was determined by a complex of socio-economic, demographic and spiritual-political factors, which excluded acute polarization of the estate.

Keywords: single-court people, smallholders, descendants of military service people, livestock provision, property differentiation, social stratification, Kursk region, Central Chernozem Region

* Responsible author

For citation: Kudlanov K.B. (2026) The "Golden age" of the single-court people: economic potential and social stratification in the manor environment in the South of Central Chernozem region in the mid-18th century In *History: facts and symbols*, 3 (48), 135-151 doi.org/10.24888/2410-4205-2026-48-3-135-151

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (No. 24-18-20073), <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Conflict of interest: K.B. Kudlanov is a research fellow at the journal's founder, Bunin Yelets State University, which did not influence the decision to publish this article. The author and the editors declare no conflict of interest

Received: 11.03.2026

Revised: 12.05.2026

Published: 10.06.2026

© Kudlanov K., 2026

1. Введение

Начавшийся в Петровское время раскол в благосостоянии между помещиками и их крестьянами не был свойственен исключительно этим двум сословиям. Подобный процесс, который традиционно в Отечественной историографии именуется «имущественной дифференциацией» [21, с. 201] протекал уже в сер. XVIII в. и в среде однодворцев.

Из-за того, что упомянутый термин на протяжении XVII–XIX вв. претерпел существенную эволюцию, необходимо предварительно уточнить его значение. Итак, в XVII в., однодворец – это служилый человек, проживавший «одним двором», т.е. без крестьян [4, с. 44]. Однако после реформ Петра I по введению подушной подати в пер. четв. XVIII в., этот термин закрепился за целым сословием, сформированным из значительной части служилых людей «по отечеству» (детей боярских) и абсолютного большинства служилых людей «по прибору» (казаков, стрельцов, пушкарей, рейтаров, драгунов и др.) [3, с. 27]. Несмотря на то что со временем граница между ними постепенно стиралась, с XVIII по пер. пол. XIX в. в среде потомков мелких служилых людей продолжали выделяться эти две упомянутые группы. Индикаторами их различий выступали: владение однодворческими крестьянами; количество четвертной земли [2, с. 55]; название селений одноимённых фамилиям там проживавшим и др.¹.

¹ Однако со временем эти признаки утрачивали свою определённую. Переход с подворного на подушное налогообложение в 1719 г. изменил принцип привязки четвертной земли, «пересчитав» её на податные души [3, с. 96–97]. Этот процесс закрепила Межевая инструкция 1766 г., запретив продажу четвертных земель [4, с. 44]. Таким образом, четвертная земля перестала быть объектом манипуляций, превратившись в фискально-наследственное владение [15, с. 110]. Что же касается однодворческих крестьян, то право владеть ими, будучи формально привилегией «верхов» сословия, на практике при определённых условиях (богатство, родство, служба) могло распространяться и на другие слои однодворцев [26, с. 84–85].

В однодворческой среде существовали различные переходные и маргинальные прослойки. Так, в период петровских преобразований было зафиксировано сословие «старых служб служилых людей» [19, с. 95]. Оно включало тех, кто по разным причинам не был причислен к однодворцам сразу, но впоследствии вошёл в их состав.

Однодворцы были локально-массовым явлением. В масштабах всей империи по 3 ревизии 1761–1767 гг. они составляли менее 5% населения, однако более 85% от всех однодворцев страны было сосредоточено на юге ЦЧ, где их доля превышала 50% от всего населения [2, с. 3].

Внутри сословия выделялись и зависимые от однодворцев слои – совокупность трёх малочисленных категорий населения (однодворческие крестьяне, однодворческие дворовые люди, однодворческие малороссияне). Все они находились в личной (крепостной) собственности однодворцев и отличались особыми правовыми ограничениями [1, с. 57]. С 1841 г. они начали выкупаться государством с переводом в государственные крестьяне, что завершилось к 1851 году [22, с. 336].

Кстати, в ходе реформы П.Д. Киселёва (1837–1841 гг.), в это же самое ведомство включались и сами однодворцы¹. В 1837 г. казённые деревни из Министерства финансов перешли в новообразованное Министерство государственных имуществ [6, с. 38], что фактически означало включение однодворцев в казённое ведомство и завершения процесса их административной интеграции.

Наконец, закон от 24 ноября 1866 г.² юридически оформил переход бывших однодворцев в сословие государственных крестьян. Однако за ними сохранилось обиходное название «четвертные крестьяне»³. Кстати, последних и в посл. четв. XIX в. на юге ЦЧ всё ещё наблюдалось значительное количество [24, с. 89].

Таким образом, эволюция однодворцев прошла четыре ключевых этапа: в XVII в. они представляли собой самостоятельное служилое сословие, не приравненное к тяглому населению; в пер. четв. XVIII в. началась их фискальная интеграция в разряд государственных крестьян; во второй четв. XIX в. завершилось их административное слияние с казённой деревней; и, наконец, к 1866 г. оформился их юридический переход в сословие государственных крестьян.

2. Материалы и методы

Методологическая основа исследования строится на сочетании общенаучных и специально-исторических подходов. Применение макроисторического анализа позволило выявить общие закономерности имущественной дифференциации в среде однодворцев. Микроисторический подход предоставил возможность включить конкретный материал по экономическому положению служилых фамилий в широкий исторический контекст. Сравнительно-исторический и статистический методы использовались для выявления уровня имущественного положения однодворцев. Ключевым инструментом количественного анализа послужили критерии, разработанные в трудах И.Д. Ковальченко (порог зажиточности – наличие более трёх голов рабочего скота) и Л.В. Милова (порог хозяйственной устойчивости – 2–3 лошади), а также типология крестьянских хозяйств А.В. Чаянова, основанная на демографической дифференциации (размер и состав семей).

¹ И хотя последние и были приписаны к податному сословию и приравнены к государственным крестьянам ещё при Петре I (через введение подушной подати), но до третьей четв. XIX в. они продолжали официально именоваться и учитываться отдельно.

² «Положение о поземельном устройстве государственных крестьян».

³ Этот термин отражал их важнейшую особенность – наследственное (а после 1866 г. – частное) право на землю, которое коренным образом отличало их от остальных казённых крестьян, владевших землёй на общинном праве.

Научная новизна настоящего исследования заключается в детальном сравнительном анализе имеющегося в нашем распоряжении массива информации (синтезированного и архивного) по наличию скота у всех слоёв однодворцев юга ЦЧ в сер. XVIII века.

Основой для этого анализа послужили материалы, собранные к.и.н., доцентом Ф.И. Лаппо, который проделал трудоёмкую работу по подборке данных в фонде 1059 «Дела вотчинных правлений имений в разных губерниях» РГАДА¹. Из разрозненных архивных источников он свёл данные в одну общую статистическую таблицу, посвящённую имущественному положению однодворцев нескольких уездов Курского края в сер. XVIII века. Этот черновик находится в личном фонде Ф.И. Лаппо в ГАКО. Столь глубокая архивная проработка предшественника позволяет нам сосредоточиться на анализе и исторической интерпретации данных.

Помимо этого, в исследовании мы будем обращаться к оригиналам двух документов фонда 1055 «Однодворческие канцелярии, правления и управители» РГАДА, опубликованных Н.К. Ткачевой в статье «К истории крестьян-однодворцев в XVIII веке»². Наличие этих подлинников³ до сих пор привлекает внимание исследователей. И это несмотря на устаревшую теоретическую базу работы, выполненную в духе «классовой борьбы». Означенные Приложения Н.К. Ткачёвой мы синтезировали в таблицу, для которой также был проведён детальный анализ.

В этом плане полученные результаты органично продолжают многолетнюю историографическую традицию. Ведь тема имущественного положения по скоту и дифференциации в среде однодворцев привлекала внимание исследователей на разных этапах развития Отечественной исторической науки. Даже неполный список авторов, затрагивавших означенный вопрос, довольно-таки внушителен. Так, в дореволюционный период ею занимались Н.П. Павлов-Сильванский [16, с. 232–233, 249–250, 263], И.Н. Миклашевский [12, с. 96], Н.А. Благовещенский [3, с. 39], В.И. Семевский [22, с. 245–247] и Н.А. Добротворский [5, с. 182]. В советское время эти вопросы разрабатывали В.И. Недосекин [14, с. 110, 113], В.М. Проторчина [18, с. 113, 129], М.Г. Рабинович [19, с. 95, 100], А.Г. Слюсарский [23, с. 384–388], А.Л. Шапиро [29, с. 20–21], Н.К. Ткачева [27, с. 281–299], В.П. Загоровский [7, с. 133] и Ф.И. Лаппо [10, с. 236]. Среди современных авторов следует выделить Д.А. Ляпина [11, с. 47, 50], А.А. Колупаева [9, с. 145], А.Ю. Рощупкина [20, с. 82], а также ряда других.

В целом совокупность представленного выше опубликованного и архивного материалов вполне предоставляет возможность реалистично оценить уровень благосостояния однодворцев, товарность их животноводства, а также имущественного расслоения потомков мелких служилых людей в сер. XVIII века.

3. Результаты

Переходя к эмпирическому материалу настоящего исследования, прежде всего обратимся к обобщённой таблице, представленной ниже. Она составлена нами на основе упомянутых наработок Ф.И. Лаппо.

¹ В упомянутом обширном комплексе управленческой документации, сведения об однодворцах, в том числе об их имущественном положении, встречаются лишь фрагментарно, что делает их выявление чрезвычайно трудоёмким.

² Эта статья была опубликована в журнале Главного архивного управления при Совете Министров СССР «Советские архивы». С недавнего времени она была размещена и в сети Интернет.

³ Это заверенные копии документов РГАДА датируемые 1761 годом. Первый представляет собой «Опись имущества, крепостных крестьян и дворовых людей однодворца деревни Экстали Тамбовского уезда Петра Романова сына Белевитинова», а второй – «Опись имущества однодворца деревни Ольшанки Тамбовского уезда Василия Серебрякова». Их оригиналы находятся в: РГАДА. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 861. Л. 1–6.

Таблица № 1. Итоговая сводка имущественного положения 91 однодворческого хозяйства, которые проживали в различных селениях Курского края в сер. XVIII века.

Источник: ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19, составлен по: РГАДА. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 353. Л. 45; Д. 354. Л. 3, 7; 8; Д. 355. Л. 4; Д. 356. Л. 5; Д. 357. Л. 5; Д. 358. Л. 4; Д. 359. Л. 8; Д. 360. Л. 7; Д. 362. Л. 5; Д. 363. Л. 16, 36; Д. 365. Л. 1, 5; Д. 367. Л. 6, 12; Д. 368. Л. 12; Д. 370. Л. 7; Д. 371. Л. 7; Д. 373. Л. 5; Д. 374. Л. 5; Д. 376. Л. 3; Д. 377. Л. 1, 4; Д. 379. Л. 1; Д. 380. Л. 4; Д. 382. Л. 7.

Table No. 1. Summary of the property status of 91 single-household households that lived in various villages of the Kursk region in the mid-18th century.

Source: GAKO. F. R30. Op. 1. D. 69. L. 16–19, compiled based on: RGADA. F. 1055. Op. 1. D. 353. L. 45; D. 354. L. 3, 7; 8; D. 355. L. 4; D. 356. L. 5; D. 357. L. 5; D. 358. L. 4; D. 359. L. 8; D. 360. L. 7; D. 362. L. 5; D. 363. L. 16, 36; D. 365. L. 1, 5; D. 367. L. 6, 12; D. 368. L. 12; D. 370. L. 7; D. 371. L. 7; D. 373. L. 5; D. 374. L. 5; D. 376. L. 3; D. 377. L. 1, 4; D. 379. L. 1; D. 380. L. 4; D. 382. L. 7.

Показатель	Всего на 91 двор	Среднее кол-во скота на 1 двор
Лошади	579	6,4
Коровы	326	3,6
Овцы	1393	15,3
Свиньи	970	10,7
Козы	45	0,5
Пчелы (ульи)	524	5,75
Избы	152	1,67
Светлицы	16	0,18

Итак, из общей статистики представленной таблицы № 1 видно, что у однодворцев сер. XVIII в. наблюдалась высокая обеспеченность скотом. Если оценивать одни лишь средние показатели, то мы видим общество в состоянии полного расцвета, цифры которого просто поражают.

Количество лошадей соответствует уровню крупных фермерских хозяйств, что свидетельствует о высокой пахотной способности населения. поголовье коров обеспечивало продовольственную безопасность на высочайшем уровне – молоко, мясо и кожа имелись в изобилии.

Количество овец значительно превышало потребности одного хозяйства. Это косвенно указывает на товарный характер овцеводства, т.е. продажи излишков шерсти и овчины. Свиноводство гарантировало огромные запасы мяса и сала. Исключение представляли козы, игравшие незначительную роль. Пчеловодство, судя по числу ульев, было важной и прибыльной отраслью хозяйства¹.

Таким образом, перед нами представлен 91 двор активно развивающегося, товарно-ориентированного аграрного общества. Однако за этими средними показателями скрывалась имущественная дифференциация. Например, у Горяинова Фомы из д. Воробьёва имелось 15 лошадей, 1 корова, 7 овец и 10 свиней, а у такого же однодворца Боева Нефеда из д. Коронино – всего 1 корова, 5 овец и ни одной лошади. Ещё больший контраст наблюдается между Дурневым Иваном из д. Соколовой владевшим 1 лошастью и Алябьевым Титом из д. Алябьевой – 23 лошади. Это уже не просто разница в достатке, но отражение двух социальных миров внутри одного сословия. Однако за этими крайними показателями скрываются более глубокие законо-

¹ Нужно отметить, что все перечисленные выводы о товарности исследуемых хозяйств основаны исключительно на количественных показателях, поэтому носят вероятностный характер. Прямых свидетельств торговли или распределения излишков в источниках не зафиксировано.

мерности, которые отчётливо прослеживаются при анализе отдельных видов скота. Обратимся к их рассмотрению.

Итак, по наличию лошадей внутри исследуемых 91 однодворческих хозяйств также прослеживается поляризация. Средний показатель в 6,4 лошади на двор являлся очень высоким. Однако эти усреднённые цифры подразделялись на 5 групп: бедные, середняки, зажиточные, богатые и элита сословия. Означенная классификация была разработана нами на основе упомянутой выборки и учитывает специфику именно однодворческого хозяйствования Курского края в сер. XVIII столетия. Она позволяет избежать механического переноса критериев, выработанных для других категорий населения и периодов. Наглядно это представлено в следующей таблице.

Таблица № 2. Классификация 91 однодворческого хозяйства сер. XVIII в. по количеству лошадей

Источник: ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19, составлен по: РГАДА. Ф. 1055. Оп. 1. Д. 353. Л. 45; Д. 354. Л. 3, 7; 8; Д. 355. Л. 4; Д. 356. Л. 5; Д. 357. Л. 5; Д. 358. Л. 4; Д. 359. Л. 8; Д. 360. Л. 7; Д. 362. Л. 5; Д. 363. Л. 16, 36; Д. 365. Л. 1, 5; Д. 367. Л. 6, 12; Д. 368. Л. 12; Д. 370. Л. 7; Д. 371. Л. 7; Д. 373. Л. 5; Д. 374. Л. 5; Д. 376. Л. 3; Д. 377. Л. 1, 4; Д. 379. Л. 1; Д. 380. Л. 4; Д. 382. Л. 7.

Table No. 2. Classification of 91 single-household farms of the mid-18th century by number of horses

Source: GAKO. F. R30. Op. 1. D. 69. L. 16–19, compiled based on: RGADA. F. 1055. Op. 1. D. 353. L. 45; D. 354. L. 3, 7; 8; D. 355. L. 4; D. 356. L. 5; D. 357. L. 5; D. 358. L. 4; D. 359. L. 8; D. 360. L. 7; D. 362. L. 5; D. 363. L. 16, 36; D. 365. L. 1, 5; D. 367. L. 6, 12; D. 368. L. 12; D. 370. L. 7; D. 371. L. 7; D. 373. L. 5; D. 374. L. 5; D. 376. L. 3; D. 377. L. 1, 4; D. 379. L. 1; D. 380. L. 4; D. 382. L. 7.

Группа	Число лошадей	Количество дворов	Доля
Бедные	0–1	10	11,1%
Середняки	2–3	17	18,9%
Зажиточные	4–5	40	44,4%
Богатые	6–8	13	14,4%
Сверхбогатая элита	9 и более	10	11,1%

Итак, в группу бедных (0–1 лошадь) вошли 10 хозяйств, или 11,1% от всех исследуемых. Из них 5 дворов были безлошадными, а 5 – имели всего по одной лошади. К последним относились хозяйства Дурнева Ивана из д. Соколовой и Бехменицина Никифора из с. Покровского¹. Собственный скот (коровы, овцы) у них либо отсутствовал, либо исчислялся единицами.

В этом плане пример из Приложения Н.К. Ткачевой об однодворце Василии Серебрякове из дер. Ольшанки Тамбовского у., одноимённой губернии является очень показательным [26, с. 87]. Из описи его имущества от 1761 г. отчётливо видна его бедность. В наличии у него имелись: 1 лошадь, 1 жеребёнок, 1 корова с подтёлком, 7 овец и 1 свинья. Инвентарь был минимален: топор, соха, коса, два серпа. Одежда состояла из нагольной шубы и двух пар холщовых рубаш. Земельный надел ограничивался одной десятиной озимой ржи. Самое важное примечание к описи гласит: «Земли поместной, и людей, и крестьян не имеется» [26, с. 87]. Серебряков – потомок, вероятно, «служилых по прибору», экономически оказавшийся на грани разо-

¹ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19.

рения¹. Его хозяйство является иллюстрацией того, что личная свобода без достаточных ресурсов, в том числе земельных, не гарантировала высокого благосостояния.

Такие представители однодворческого «пролетариата» при четвертном владении едва могли обработать свой надел при болезни или падеже скота. Как отмечал Л.В. Милов, потеря даже одной лошади для них являлась «хозяйственной катастрофой», восстановление после которой было крайне затруднительным [13, с. 402]. Судя по Серебрякову, земли в наличии у них также было немного. В конечном счёте это толкало их на поиск дополнительных заработков, т.е. к отходничеству [21, с. 224], и нередко порождало стремление переселиться на более плодородные и свободные земли [3, с. 231]. Однако у таких обедневших хозяев, чей инвентарь и скот были сведены к минимуму, зачастую не хватало ресурсов даже на столь затратный переезд.

Теперь перейдём к 17 дворам середняков (18,9%), владевшими по 2–3 лошади. Итак, хозяйства этой группы, например, Гнездилов Никита из д. Соколовой (2 лошади, 1 корова, 5 овец), Губанов из с. Выгорное (2 лошади, 1 корова, 7 овец), Лыков Иван из с. Куная (3 лошади, 1 корова, 5 овец)², имели одну избу, редко клеть (у половины дворов клетки отсутствовали), почти не имели сараев и светлиц. Их поголовье скота невелико: 1–3 коровы, 5–15 овец, 5–10 свиней. Такие хозяйства обладали минимальной устойчивостью, были способны к самообеспечению. Однако излишки, если у них и имелись, то были незначительны. Они являлись основанием сословия, но не его экономическим фундаментом.

Согласно методологии академика И.Д. Ковальченко, порогом, отделявшим зажиточную группу крестьянства в пер. пол. XIX в. (способную к производству товарных излишков), служило наличие более трёх голов рабочего скота [8, с. 39]. В исследуемой выборке хозяйства, не достигавшие этого порога 3-х лошадей, составили всего 30% (бедные – 11,1%, середняки – 18,9%), тогда как 70% дворов имели 4 и более лошадей. Показатели зажиточных, богатых и сверхбогатых однодворцев сер. XVIII в. заметно превосходят критерий И.Д. Ковальченко. Всё это свидетельствует о том, что для однодворцев юга ЦЧ изучаемый период являлся «золотым веком» их экономического расцвета и благосостояния.

Об этом же свидетельствует и тот факт, что самой многочисленной группой из всех исследуемых являлись зажиточные однодворцы – 40 дворов (44,4%), владевшие 4–5 лошадьми. Их хозяйства обладали заметным запасом прочности, имели больше коров, овец и свиней, чем середняки. У них чаще встречались две избы, клетки (около 85% дворов имели клеть), у некоторых – сараи и светлицы. Поголовье скота составляло 2–5 коров, 10–20 овец, 5–15 свиней. Так, Горяинов Никифор из д. Воробьёвой имел 4 лошади, 5 овец и 5 свиней; Дурнов Дементий из д. Соколовой – 5 лошадей, 5 коров, 10 овец, 5 свиней, а также клеть и сарай³; Кобелев Никифор из д. Мешкова – 5 лошадей, 10 овец, 10 свиней и светлицу⁴; Сидоров Семеон из д. Терепша – 5 лошадей, 1 корову, 7 овец и 4 свиньи⁵. Эти хозяйства уже производили товарные излишки (мясо, шерсть, зерно), обрабатывали землю силами семьи и не нуждались в найме работников. Именно они составляли экономический фундамент и «сердцевину» сословия потомков мелких служилых людей.

Далее следовали 13 дворов богатых однодворцев (14,4%), владевшими по 6–8 лошадей. К ярким представителям этой группы относились: Горяинов Иван из д. Воробьёвой (7 лошадей, 5 овец, 5 свиней, светлица), Лукьянчиков Николай из с. Глебово (8 лошадей, 2 коровы, 30 овец, 10 свиней, 2 избы, 3 клетки), Волобуев Евсей из д. Гридина (8 лошадей, 3 коровы, 22 овцы, 18 свиней, 3 избы, 3 клетки), Мальцев Потап из д. Чёрный Колодезь (6 лошадей, 4 коровы, 20 овец,

¹ У него, как у однодворца, была четвертная земля (наследственный надел, юридически считавшийся государственным).

² ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19.

³ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19.

⁴ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 255. Л. 6.

⁵ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 255. Л. 6.

10 свиней, 2 избы, клеть), Шеховцов Никифор из д. Анненкова (7 лошадей, 4 коровы, 25 овец, 10 свиней)¹, Агибалов Иван из д. Курскино (6 лошадей, 3 коровы, 15 овец, 10 свиней, светлица)². У них 2–3 избы, часто светлицы, обязательно клетки, нередко хозяйственные постройки. Их поголовье состоит из 3–5 коров, 20–30 овец, 10–20 свиней. Такие хозяйства носили явно товарный характер, избыток продукции продавался, вполне был возможен и наём работников. Они являлись «верхушкой» сословия, но не его элитой.

К последним относилась наименьшая, но наиболее яркая группа из 10 дворов сверхбогатых потомков мелких служилых людей (11,1%), владевшими 9 и более лошадьми. Среди них нужно выделить Щербинина Никифора из д. Карандаковой (20 лошадей, 5 коров, 60 овец, 50 свиней, 2 избы, 2 светлицы, 3 клетки, сарай)³; Пожидаева Андрея из д. Пожидаевой (22 лошади, 15 коров, 40 овец, 35 свиней, 3 избы, 4 клетки, «с крестьянами»)⁴; Алябьева Тита из д. Алябьевой (23 лошади, 6 коров, 40 овец, 50 свиней, 5 изб, 3 светлицы, 5 клетей, 3 сарая)⁵; Машкина Гавриила из с. Выползово (15 лошадей, 15 коров, 80 овец, 15 свиней, 5 изб, 3 клетки)⁶; Чернышёва Ивана из д. Нижняя Медведица (15 лошадей, 7 коров, 50 овец, 40 свиней, 5 изб, 5 клетей, 2 сарая)⁷; а также Полякова Василия из с. Знаменское (13 лошадей, 12 коров, 50 овец, 10 свиней, 3 избы, 5 клетей, сарай)⁸.

Представленные данные позволяют выявить чёткую закономерность: чем больше изб во дворе, тем выше поголовье скота и число хозяйственных построек. У всех этих дворов насчитывалось от 3 до 5 изб, нередко несколько светлиц, множество клеток и хозяйственных построек. Скот исчислялся десятками голов, овцы – сотнями. В отдельных случаях (например, у Пожидаева Андрея из д. Пожидаевой) прямо указано наличие однодворческих крестьян, что позволяет предполагать, что и другие владельцы такого уровня могли иметь зависимых людей, хотя в источниках это зафиксировано не для всех. По своему имущественному положению эти однодворцы не уступали, а часто и превосходили мелкопоместных дворян. К последнему образу жизни они, собственно, и тяготели, представляя собой «верхушку» сословия.

Все перечисленные примеры типичных представителей верхушки однодворческого мира, скорее всего, относились к потомкам «служилых людей по отечеству». Их хозяйство вполне соответствовало классическим примером мелкой дворянской вотчины. Одним из первых об этом феномене имущественной тождественности между указанными сословиями ещё в сер. XIX в. писал Я. Соловьёв [24, с. 87].

Этот феномен имел глубокие исторические корни. В XVII в. «дети боярские» и «дворяне» обозначали чины (разряды) внутри единого служилого сословия [16, с. 96–97]. Причём изначально, в XV–XVI вв., «дети боярские» обладали более высоким статусом и писались выше дворян. Однако к кон. XVI в. служебное положение стало определяться принадлежностью к великокняжескому двору. Это выдвинуло дворян вперёд – сначала по иерархическому статусу, а затем и по имущественному достатку [25, с. 56]. Вплоть до кон. XVII в. эти две группы существовали параллельно, и их представители нередко использовали взаимозаменяемые наименования, например, «городовой сын боярский» и «городовой дворянин» [25, с. 57].

Именно эти факторы обусловили имущественную тождественность некоторых однодворцев и дворян в сер. XVIII века. Несомненно, что помимо потомков служилых «по отечеству» в категорию богатых однодворцев могли попасть и предприимчивые потомки служилых людей «по прибору». Многие из них в XVIII–XIX вв. сумели «опередить» по достатку потом-

¹ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19.

² ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 376. Л. 3.

³ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 260. Л. 13.

⁴ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 353. Л. 3, 16.

⁵ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 353. Л. 45; Д. 354. Л. 3, 7–8.

⁶ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 367. Л. 12.

⁷ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 370. Л. 7.

⁸ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 246. Л. 1, 4–5, 1–2.

ков служилых «по отечеству». Хозяйства некоторых представителей этой категории предпримчивых однодворцев являлись настоящими конными заводами. В частности, однодворец-коннозаводчик Белошапкин из Утянской вол. Бирючанского у. Воронежской губернии. В этом известном полноценном промышленном предприятии XVIII–XIX вв. разводили племенных лошадей, что требовало значительных капиталов и земельных угодий [18, с. 127].

Подобная хозяйственная активность может рассматриваться в качестве признака зарождающихся капиталистических отношений. Следовательно, в элите однодворцев сер. XVIII в. сочетались два начала: принадлежность по рождению к феодально-служилой среде (потомки детей боярских) и личная капиталистическая предприимчивость, позволившая вывести хозяйство на уровень промышленных конных заводов.

В целом, положение богатых и сверхбогатых однодворцев полностью подтверждает вывод В.И. Недосекина о том, что «отдельные зажиточные... однодворцы содержали для продажи большое количество лошадей, коров, овец» [14, с. 135, 155]. В эпоху Дикого поля один такой владелец мог выставить для отражения набега крымских татар целый военный отряд, а в последующее мирное время – организовать масштабные перевозки грузов и т.д.

Однако перечисленные уникальные особенности однодворцев на этом не заканчивались. Элиту сословия вполне можно обозначить в качестве «однодворцев-феодалов». Ярчайшим представителем этой группы выступает Пётр Белевитинов из дер. Экстали Тамбовского у. одноимённой губернии. Опись его имущества дословно отражена в упомянутом Приложении Н.К. Ткачёвой [26, с. 86]. В целом, это не просто зажиточное однодворческое хозяйство, а полноценная средняя дворянская вотчина.

И действительно, среди потомков мелких служилых людей встречались и состоятельные дворяне, скрывавшиеся от пожизненной службы. К.П. Победоносцев¹, в своём «Курсе гражданского права» о таких писал: «В состав их (однодворцев – К.Б.) поступили... некоторые старинные дворянские роды, сделавшиеся мелкопоместными, а при Петре I иные дворяне, уклонившиеся от нового порядка службы, имевшие по 100 и по 200 дворов крестьян, тоже записались в однодворцы» [17, с. 543]. Судя по масштабам владений, Пётр Белевитинов, вероятно, принадлежал именно к этой категории.

Согласно полной описи имущества Белевитинова от 1761 г., его жилой и хозяйственный комплекс отличался масштабностью и многофункциональностью [26, с. 85]. В его имении красовались просторные хоромы с изразцовыми (кафельными) печами, что само по себе было признаком роскоши. Жилые строения включали первую связь (сруб) «бревенчатую» из пяти покоев, горницу с комнаткой, людскую и приворотную избы, ещё две людские избы, а также горницы: брусчатую с подклетом, бревенчатую и пластовую с сенями. За трапезой он использовал серебряную и хрустальную посуду, а святые углы в доме были украшены иконами в драгоценных окладах. Хозяйственный блок составляли большая конюшня на 21 стойло с четырьмя чуланами, две погребицы (ледника/погреба), не менее восьми амбаров, не менее четырёх сараев, баня с передбанником, а также сени, чуланы и навесы при амбарах.

Скотоводческое хозяйство самого Белевитинова имело явно товарный характер: 32 лошади, 65 коров калмыцкой породы, 12 телят и 65 овец. Вместе с его однодворческими крестьянами (17 дворов) совокупное поголовье было более чем внушительным: не менее 118 лошадей (97 рабочих + 21 жеребец), 43 коровы, 235 овец и 74 свиньи. Эти цифры, а также наличие у владельца серебряной посуды, калмыцких коров и промышленных запасов мёда, позволяют характеризовать его хозяйство как крупную вотчину. Несомненно, что такое имущественное положение ставило Белевитинова в один ряд с провинциальным дворянством, а не с рядовыми однодворцами, которые, как показало настоящее исследование, тоже были в целом состоятельны.

¹ Известный государственный деятель и правовед.

В целом, представленная пятиуровневая классификация служит эмпирическим подтверждением теоретических построений А.В. Чаянова. В отличие от марксистской трёхчленной схемы («кулак – середняк – бедняк»), Чаянов выделял шесть типов крестьянских хозяйств, связывая имущественное неравенство прежде всего с демографической дифференциацией – размером и половозрастным составом семьи, то есть числом работников [28, с. 55]. Полученные в настоящем исследовании данные органично вписываются в его систему. Так, капиталистические хозяйства соответствуют нашей группе «сверхбогатых» (10 дворов, составлявших 11,1%). Они перерастают чисто семейный труд и привлекают наёмных работников. Показательно, что в группе сверхбогатой элиты только у Пожидаева Андрея из д. Пожидаевой Ф.И. Лаппо зафиксировал: «живёт со своими крестьянами»¹. Хотя феномен однодворческого крестьянства среди потомков мелких служилых людей не являлся редкостью, у остальных владельцев он не отражён – вероятно, в силу особенностей источников или методики составления таблицы.

Полутрудовые хозяйства соответствуют 13 дворам из группы «богатых», составлявшие 14,4% от всех исследуемых. Это переходный этап, когда семейный труд составлял основу, но хозяйство уже требовало найма дополнительной рабочей силы на отдельные периоды.

Зажиточные семейно-трудовые хозяйства соответствуют группе «зажиточных» из 40 дворов и формируют абсолютное ядро выборки, т.е. 44,4%. Относительно этой категории Чаянов писал, что такие хозяйства наиболее полно использовали семейную рабочую силу, а их размер прямо зависел от состава семьи. Именно в хозяйствах этой группы были зафиксированы сложные патриархальные семьи, проживавшие в 3–5 избах. Выявленная закономерность о тождественности «богатых семей» с «большими патриархальными семьями» полностью соответствует чаяновскому пониманию демографической природы зажиточности.

Бедняцкие семейно-трудовые хозяйства соответствуют «середнякам» (17 дворов, составляющим 18,9%) и части «бедных» (с 1 лошадыю). В таких хозяйствах рабочая сила используется не в полную силу из-за нехватки земли или незначительного количества взрослых работников. Полупролетарские и пролетарские хозяйства соответствовали группе «бедных», включая безлошадных. Эти хозяйства либо имели единственный источник дохода от продажи рабочей силы, либо вообще были его лишены.

Таким образом, разработанная шкала зримо демонстрирует жизненный цикл крестьянского двора в концепции Чаянова: от малого хозяйства при молодой семье через расцвет многолюдной патриархальной семьи до раздела имущества и угасания. В целом, теория А.В. Чаянова объясняет причины наблюдаемого благосостояния, не сводя их к классовому антагонизму, связывая его с естественными демографическими циклами.

Однако демографический потенциал не был единственным фактором, определявшим облик однодворческого хозяйства. Не менее важной чертой была его рыночная ориентация, которая подтверждается анализом состава скота и промыслов. Описанная структура массовой зажиточности при наличии сверхбогатой элиты прослеживается не только в распределении лошадей, но и в других видах скота.

Относительно овец отметим, что у большинства из исследуемой выборки 91 двора имелось от 5 до 20 голов, что было вполне достаточным для обеспечения собственных нужд. Однако у Никифора Щербинина из д. Карандаковой – 60 голов, а у Гавриила Машкина из д. Выползово – 80. Это уже отары, ориентированные на рынок. Аналогичная картина наблюдалась со свиньями: у большинства – 5–10 голов, тогда как у упомянутого выше Щербинина и Тита Алябьева из д. Алябьевой – по 50. Пчеловодство также демонстрировало ту же закономерность: при 2–10 ульях у большинства, у Потапа Мальцева из д. Чёрный Колодезь и Ивана Чернышёва из д. Нижняя Медведица их было по 30, а у Ефима из с. Выползово – 40². Очевидно,

¹ ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Ф. 1059. Оп. 1. Д. 353. Л. 3, 16.

² ГАКО. Ф. Р30. Оп. 1. Д. 69. Л. 16–19. Составлено по: РГАДА. Д. 260. Л. 13; Д. 367. Л. 12; Д. 260. Л. 13; Д. 370. Л. 7; Д. 363. Л. 16; 36.

что столько мёда не требовалось для собственного потребления – речь шла о промышленных пасеках.

Немаловажным является выявление корреляций при соотношении видов скота. Сильная положительная связь наблюдается между лошадьми и свиньями: в 90% дворов с 10 и более лошадьми также имелось по 20 и более свиней. Это свидетельствует о товарной ориентации: лошадей разводили на продажу (или использовали как тягло), а свиней – на мясо и сало. У владельцев конных заводов (9+ лошадей: Никифор Щербинин из д. Карандаковой – 20, Андрей Пожидаев из д. Пожидаевой – 22, Тит Алябьев из д. Алябьевой – 23, Прохор Расманов из с. Сокольи Плоты – 17, Гавриил Машкин из с. Выползово – 15) имелось относительно мало коров (3–7), но много свиней (15–50) и овец (30–80), что указывает на товарное производство мяса, сала и шерсти.

Связь между лошадьми и овцами менее тесная. У большинства богатых дворов много овец, но были исключения (Фома Горяинов из д. Воробьёва владел 15 лошадьми и всего 7 овцами). Тем не менее овцеводческая специализация также была выражена: у Якова Шутова из д. Бреховой – 30 овец, у Щербинина и Якова Чуйкова из с. Троицкое – по 60, у Машкина Гавриила – 80 овец, что давало шерсть и овчину на рынок.

Обилие коров не всегда следовало за наличием лошадей. У большинства многолошадных хозяйств имелось по 5–6 коров (немного при значительном количестве свиней), тогда как у некоторых середняков коров было больше, чем лошадей. Это указывает на дифференциацию: одни держали скот для молочных продуктов, другие – на мясо и шерсть. Молочно-мясная специализация прослеживалась у Андрея Пожидаева (15 коров), Машкина Гавриила (15 коров) и Василия Полякова из с. Знаменское (12 коров) – у них также было много лошадей, но свиней и овец меньше.

Козы встречались лишь в 7 из 90 хозяйств (8%), преимущественно у середняков. Будучи нетребовательной к выгонам, коза считалась «скотом бедных», однако земли в регионе было ещё достаточно. Поэтому редкое содержание коз свидетельствует не о её востребованности, а, напротив, об обилии земли, позволявшей держать более продуктивный крупный рогатый скот и овец.

Следовательно, выявленные корреляции и специализация хозяйств (конеvodческая, свиноводческая, овцеводческая, молочно-мясная) свидетельствуют о высоком уровне товарности и рыночной ориентации однодворческого хозяйства сер. XVIII века. Одной из главных причин такой товарности выступало фискальное давление государства. Необходимость платить подушную подать и иные налоги, в том числе на содержание ландмилиции, заставляла однодворцев где-то изыскивать денежные средства. Наиболее доступным способом была продажа излишков сельскохозяйственной продукции. Достаточная земельная обеспеченность, подтверждаемая редким содержанием коз, служила материальной основой для такой специализации. Весь этот избыток продукции можно рассматривать как признак зарождающихся капиталистических отношений, который, однако, сохранял «феодальный след», поскольку базировался на владении землёй и, в отдельных случаях, крепостными людьми.

4. Заключение

Таким образом, данное исследование аккумулирует ключевые характеристики однодворцев: их правовое положение, экономическую стратификацию, демографические особенности (в интерпретации А.В. Чаянова) и рыночную ориентацию, что позволяет говорить о зарождении капиталистических отношений на фоне сохранения феодальных институтов. Всё это, базируясь на подлинном историческом материале, впервые представлено в систематизированном виде. В частности, проведённое исследование на основе описей имущества сер. XVIII в. (91 двор Курского края, а также хозяйства Белевитина и Серебрякова) позволяет сделать следующие выводы по трём ключевым аспектам.

Уровень благосостояния однодворцев в сер. XVIII в. был исключительно высоким. Среднее число лошадей на двор составило 6,4, что более чем вдвое превышает порог хозяй-

ственной устойчивости (2–3 лошади), установленный Л.В. Миловым. Поголовье коров (3,6 на двор), овец (15,3) и свиней (10,7) обеспечивало не только самодостаточность, но и значительный избыток. 70% хозяйств имели 4 и более лошадей, что по критериям И.Д. Ковальченко относит их к зажиточной группе, способной к производству товарных излишков. Доля бедных (0–1 лошадь) составила всего 11,1%. Такой уровень благосостояния позволяет характеризовать середину XVIII в. как «золотой век» однодворческого сословия.

Товарность животноводства подтверждается специализацией хозяйств. Выявлены устойчивые корреляции между видами скота: в 90% дворов с 10 и более лошадьми имелось по 20 и более свиней, что свидетельствует о рыночной ориентации (мясо, сало). Овцеводческие хозяйства (до 80 овец у Гавриила Машкина, до 60 у Никифора Щербинина) давали шерсть и овчину на рынок. Пчеловодство достигало промышленных масштабов (до 40 ульев у отдельных владельцев). Молочно-мясная специализация (Андрей Пожидаев, Гавриил Машкин, Василий Поляков) также носила товарный характер. Главным стимулом товарности выступало фискальное давление государства – необходимость платить подушную подать и налог на содержание ландмилиции заставляла однодворцев продавать излишки скотоводческой продукции.

Имущественное расслоение среди потомков мелких служилых людей было глубоким, но носило особый, неклассический характер. Разработанная пятиуровневая классификация (бедные – 11,1%; середняки – 18,9%; зажиточные – 44,4%; богатые – 14,4%; сверхбогатая элита – 11,1%) показывает, что расслоение не сопровождалось «вымыванием» средних слоёв и поляризацией на два антагонистических полюса. Доминирование зажиточных и богатых хозяйств (58,8% с 4–8 лошадьми) при небольшой доле бедных свидетельствует о высоком массовом благосостоянии. Имущественная дифференциация имела преимущественно естественный, демографически обусловленный характер (в интерпретации А.В. Чаянова): размер и состав семьи (число работников) определяли хозяйственный потенциал. Владение крепостными (однодворческими крестьянами) было зафиксировано лишь у единиц (Пожидаев Андрей), но именно эта категория концентрировала максимальные богатства.

«Золотой век» однодворческого благосостояния оказался не только вершиной экономического расцвета, но и точкой, за которой началось дробление и миграционный исход сословия. Однако в сер. XVIII в. высокий уровень благосостояния делал массовые выселения из Курского края неактуальными. Зажиточные семьи расширяли хозяйства в пределах региона, а обедневшие, не имея ресурсов для дальнего переезда, оставались на той же территории. Таким образом, в триаде заселение – расселение – выселение на этапе «золотого века» доминировало расселение. Массовое выселение станет характерным для более позднего периода, когда дробление хозяйств и малоземелье достигнут критической точки.

Массовая зажиточность однодворцев сер. XVIII в. не может быть объяснена ни исключительно классовой эксплуатацией, ни одной лишь рыночной удачей. Она была результатом сложного переплетения факторов: демографического (многодетная патриархальная семья как главный производительный ресурс), экономического (рыночная ориентация хозяйств при сохранении «феодального следа» – владения землёй и крепостными), земельного (достаточная обеспеченность наделами) и духовно-социального (патриархальные устои, служилый менталитет). При этом предприимчивость отдельных однодворцев, особенно выходцев из «приборных» слоёв, также играла заметную роль, позволяя им выводить хозяйства на уровень промышленных конных заводов. Именно системное сочетание этих факторов, а не классовая борьба или случайная удача, создавало массовую зажиточность, не перераставшую в острую поляризацию.

Особо следует подчеркнуть значение многодетной семьи, которая была не просто социальной ячейкой, а главным производительным ресурсом сословия. Как сказано в Священном Писании: *«Блажен человек, который наполнил колчан свой стрелами; не останутся они в стыде, когда будут говорить с врагами у ворот» (Пс. 126:5)*. В этой библейской формуле – образ той самой родовой и трудовой опоры, которая позволяла однодворцам выдерживать

невзгоды и сохранять устойчивость. Разумеется, не только многодетность определяла их благосостояние, но без этого фундаментального звена вся система утратила бы свою прочность.

Список источников и литературы

1. Белявский, М. Т. (1965). *Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева*. М.: Изд-во Московского ун-та. 268 с.
2. Белявский, М. Т. (1984). *Однородцы Черноземья (по их наказам в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.)*. М.: Изд-во Московского университета, 268 с.
3. Благовещенский, Н. А. (1899). *Четвертное право*. М.: Типо-лит. Товарищества И.Н. Кушнерев и Ко. 538 с.
4. Важинский, В. М. (1974). *Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке (По материалам южных уездов России)*. Воронеж: Липецкое облтипография. 237 с.
5. Добротворский, Н. А. (1885). *Курская губерния: статистический сборник*. Курск: Тип. Губ. Земства. 214 с.
6. Дружинин, Н. М. (1946). *Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева*. Т. 1. М.: Изд-во Акад. наук СССР. 633 с.
7. Загоровский, В. П. (1961). *Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке* // Из истории Воронежского края. Воронеж. С. 130–145.
8. Ковальченко, И. Д. (1982). *Социально-экономический строй помещичьего хозяйства Европейской России в эпоху капитализма*. М.: Наука. 358 с.
9. Колупаев, А. А. (2020). *Формирование и развитие однодворческого сословия на территории Курского края*. // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. Т. 10, № 3. С. 138–152.
10. Лаппо, Ф. И. (1962). *Ревизские сказки как источник по истории русского крестьянства* // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1960 г. Киев. С. 236–247.
11. Ляпин, Д. А. (2015). *Расслоение провинциального дворянства в России и социально-политическая борьба во второй половине XVII века* // Российская история. № 5. С. 42–53.
12. Миклашевский, И. Н. (1894). *К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII века*. М.: Тип-я Д.И. Иноземцева. 310 с.
13. Милов, Л. В. (1998). *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса*. М.: РОССПЭН. 573 с.
14. Недосекин, В. И. (1961). *Очерки по истории Воронежского края*. Т. 1. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т. 214 с.
15. Недосекин, В. И. (1961). *Четвертное землепользование однодворцев юга России в XVIII веке* // Из истории Воронежского края. Воронеж. С. 108–125.
16. Павлов-Сильванский, Н. П. (1898). *Государевы служилые люди: Происхождение русского дворянства*. СПб.: Гос. тип. 280 с.
17. Победоносцев, К. П. (2002). *Курс гражданского права. Первая часть: Вотчинные права*. М.: Статут (репринт изд. 1896 г.). 765 с.
18. Проторчина, В. Л. (1955). *Из истории воронежских однодворцев в XVIII веке* // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. XIX. С. 110–135.
19. Рабинович, М. Г. (1976). *Положение однодворцев, переселяемых в 30-50-е годы XVIII в. на украинскую пограничную линию* // Проблемы аграрной истории (с древнейших времен до XVIII в.). Минск. С. 90–105.
20. Рошупкин, А. Ю. (2020). *Хозяйственно-бытовые аспекты жизни служилых людей «по прибору» юга Московского государства в конце XVI в. (по материалам Ельца и уезда)* // История: факты и символы. № 1 (22). С. 78–85.

21. Рубинштейн, Н. Л. (1957). *Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в.* М.: Госполитиздат. 459 с.
22. Семевский, В. И. (1881). *Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II.* 2-е изд. Т. 2. СПб.: Тип. Ф.С. Сушинского. 643 с.
23. Слюсарский, А. Г. (1964). *Социально-экономическое развитие Слобожанщины XVII–XVIII вв.* Харьков: кн. изд-во, 461 с.
24. Соловьев, Я. (1850). *Об однодворцах* // Отечественные записки. Т. 69. № 3. С. 81–100.
25. Танков, А. А. (1913). *Историческая летопись курского дворянства.* Т. 1. М.: Изд. курск. дворянства. [2], II, 476, 156 с.
26. Ткачева, Н. К. (1971). *К истории крестьян-однодворцев в XVIII веке* // Советские архивы. № 1. С. 84–87.
27. Ткачева, Н. К. (1978). *Однодворцы XVIII века в отечественной историографии* // История и историки. 1975: историографический ежегодник / отв. ред. М.В. Нечкина. М.: Наука. С. 281–299.
28. Чаянов, А. В. (2015). *Организация крестьянского хозяйства.* Екатеринбург; М.: Деловая книга; Академический проект. 363 с.
29. Шапиро, А. Л. (1940). *Крестьянские отходы и крестьянский наем в Петровское время* // Ученые записки ЛГУ. Т. V. Исторический факультет. Вып. 1. С. 18–35.

References

1. Belyavskiy, M. T. (1965). *Krest'yanskiy vopros v Rossii nakanune vosstaniya E.I. Pugacheva* [The Peasant Question in Russia on the Eve of the E.I. Pugachev Uprising]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo un-ta. (in Russian).
2. Belyavskiy, M. T. (1984). *Odnodvortsy Chernozem'ya (po ikh nakazam v Ulozhennuyu komissiyu 1767–1768 gg.)* [One-Courtyard People of the Chernozem Region (according to their instructions to the Legislative Commission 1767–1768)]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta. (in Russian).
3. Blagoveshchenskiy, N. A. (1899). *Chetvertnoe pravo* [Quarter Right]. Moscow, Tipo-lit. Tovarishchestva I.N. Kushnerev i Ko. (in Russian).
4. Vazhinskiy, V. M. (1974). *Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke (Po materialam yuzhnykh uezdov Rossii)* [Land Ownership and the Formation of the Smallholders Community in the 17th Century (Based on Materials from the Southern Counties of Russia)]. Voronezh, Lipeckoe obltipografiya. (in Russian).
5. Dobrotvorskiy, N. A. (1885). *Kurskaya guberniya: statisticheskiy sbornik* [Kursk Province: Statistical Collection]. Kursk, Tip. Gub. Zemstva. (in Russian).
6. Druzhinin, N. M. (1946). *Gosudarstvennyye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva* [State Peasants and the Reform of P.D. Kiselev]. Vol. 1. Moscow, Izd-vo Akad. nauk SSSR. (in Russian).
7. Zagorovskiy, V. P. (1961). *Donskoe kazachestvo i razmery donskikh otpuskov v XVII veke* [Don Cossacks and the Size of Don Releases in the 17th Century] in *Iz istorii Voronezhskogo kraya*. Voronezh. (in Russian).
8. Koval'chenko, I. D. (1982). *Sotsial'no-ekonomicheskiy stroy pomeshchich'ego khozyaystva Evropeyskoy Rossii v epokhu kapitalizma* [The Socio-Economic Structure of the Landowner Economy of European Russia in the Era of Capitalism]. Moscow, Nauka. (in Russian).
9. Kolupaev, A. A. (2020). *Formirovanie i razvitie odnodvorcheskogo sosloviya na territorii Kurskogo kraya* [Formation and Development of the One-Courtyard Estate on the Territory of the Kursk Region] in *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i parvo*, 10, 3, 138–152. (in Russian).

10. Lappo, F. I. (1962). *Revizskie skazki kak istochnik po istorii russkogo krest'yanstva* [Revision Tales as a Source on the History of the Russian Peasantry] in *Ezhegodnik po agrarnoy istorii Vostochnoy Evropy. 1960 g.* Kiev. (in Russian).
11. Lyapin, D. A. (2015). *Rassloenie provintsial'nogo dvoryanstva v Rossii i sotsial'no-politicheskaya bor'ba vo vtoroy polovine XVII veka* [Stratification of the Provincial Nobility in Russia and Socio-Political Struggle in the Second Half of the 17th Century] in *Rossiyskaya istoriya*, 5, 42-53. (in Russian).
12. Miklashevskiy, I. N. (1894). *K istorii khozyaystvennogo byta Moskovskogo gosudarstva*. Ch. 1. *Zaselenie i sel'skoe khozyaystvo yuzhnoy okrainy XVII veka* [On the History of the Economic Life of the Moscow State. Part 1. Settlement and Agriculture of the Southern Outskirts in the 17th Century]. Moscow, Tip-ya D.I. Inozemtseva. (in Russian).
13. Milov, L. V. (1998). *Velikorusskiy pakhar' i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian Plowman and the Features of the Russian Historical Process]. Moscow, ROSSPEN. (in Russian).
14. Nedosekin, V.I. (1961). *Ocherki po istorii Voronezhskogo kraya* [Essays on the History of the Voronezh Region]. Vol. 1. Voronezh, Voronezh. gos. un-t. (in Russian).
15. Nedosekin, V. I. (1961). *Chetvertnoe zemlepol'zovanie odnodvortsev yuga Rossii v XVIII veke* [Quarter Land Use of Smallholders in Southern Russia in the 18th Century] in *Iz istorii Voronezhskogo kraya*. Voronezh. (in Russian).
16. Pavlov-Sil'vanskiy, N. P. (1898). *Gosudarevy sluzhilye lyudi: Proiskhozhdenie russkogo dvoryanstva* [The Sovereign's Servicemen: The Origin of the Russian Nobility]. St. Petersburg, Gos. tip. (in Russian).
17. Pobedonostsev, K. P. (2002). *Kurs grazhdanskogo prava. Pervaya chast': Votchinnye prava* [Course of Civil Law. Part One: Patrimonial Rights]. Moscow, Statut (reprint of 1896 edition). (in Russian).
18. Protorchina, V. L. (1955). *Iz istorii voronezhskikh odnodvortsev v XVIII veke* [From the History of Voronezh Smallholders in the 18th Century] in *Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta*. Vol. XIX, 108–125. (in Russian).
19. Rabinovich, M. G. (1976). *Polozhenie odnodvortsev, pereselyaemykh v 30-50-e gody XVIII v. na ukrainskuyu pogrannichnuyu liniyu* [The Situation of Smallholders Resettled in the 30-50s of the 18th Century to the Ukrainian Border Line] in *Problemy agrarnoy istorii (s drevneyshikh vremen do XVIII v.)*. Minsk. (in Russian).
20. Roshchupkin, A. Yu. (2020). *Khozyaystvenno-bytovye aspekty zhizni sluzhilykh lyudey «po priboru» yuga Moskovskogo gosudarstva v kontse XVI v. (po materialam El'tsa i uezda)* [Economic and Everyday Aspects of the Life of Service People "by Device" in the South of the Moscow State at the End of the 16th Century (Based on Materials from Yelets and the County)] in *Istoriya: fakty i simvol*, 1 (22), 78–85. (in Russian).
21. Rubinshteyn, N. L. (1957). *Sel'skoe khozyaystvo Rossii vo vtoroy polovine XVIII v.* [Agriculture of Russia in the Second Half of the 18th Century]. Moscow, Gospolitizdat. (in Russian).
22. Semevskiy, V. I. (1881). *Krest'yane v tsarstvovanie imperatritsy Ekateriny II* [Peasants during the Reign of Empress Catherine II]. 2nd ed. Vol. 2. St. Petersburg, Tip. F.S. Sushchinskogo. (in Russian).
23. Slyusarskiy, A. G. (1964). *Sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie Slobozhanshchiny XVII–XVIII vv.* [Socio-Economic Development of Slobozhanshchina in the 17th–18th Centuries]. Kharkiv, kn. izd-vo. (in Russian).
24. Solov'ev, Ya. (1850). *Ob odnodvortsakh* [About the Smallholders] in *Otechestvennye zapiski*, 69, 3, 81-100. (in Russian).
25. Tankov, A. A. (1913). *Istoricheskaya letopis' kurskogo dvoryanstva* [Historical Chronicle of the Kursk Nobility]. Vol. 1. Moscow, Izd. kursk. dvoryanstva. (in Russian).

26. Tkacheva, N. K. (1971). *K istorii krest'yan-odnodvortsev v XVIII veke* [On the History of Smallholder Peasants in the 18th Century]. *Sovetskie arkhivy*, 1. (in Russian).
27. Tkacheva, N.K. (1978). *Odnodvortsy XVIII veka v otechestvennoy istoriografii* [Smallholders of the 18th Century in Russian Historiography] in *Istoriya i istoriki. 1975: istoriograficheskiy ezhegodnik*. / ed. M.V. Nechkina. Moscow, Nauka. (in Russian).
28. Chayanov, A. V. (2015). *Organizatsiya krest'yanskogo khozyaystva* [The Theory of Peasant Economy]. Ekaterinburg; Moscow, Delovaya kniga; Akademicheskii proekt. (in Russian).
29. Shapiro, A. L. (1940). *Krest'yanskie otkhody i krest'yanskiy naem v Petrovskoe vremya* [Peasant Waste and Peasant Hiring in Peter's Time] in *Uchenye zapiski LGU*. Vol. V. Historical Faculty, Issue 1. (in Russian).